

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука...

А. Блок

ЧАСТЬ I

Руки у нее сильные, некрасивые — сплошные мускулы; кисти крупные, ладони твердые. Ноги такие же прямые и мускулистые, крупная стопа, твердая ступня. Задница маленькая, плоская, а на копчике татуировка: ящерка, хвост которой уходит в прорезь между ягодицами. Обалдеть. Хорошо хоть кольцо себе не захреначила в клитор, а то ему и такая однажды попалась... Ох уж эти девки, которые всякой дурью пытаются придать себе оригинальности! Да на кой ему, мужику, такая оригинальность?! Ему нужна нормальная баба, с положенными природой округлостями, а с не жопой размером в два кулака и мышцами с анатомического плаката для старших классов!

А в ней ничего не было мягкого, округлого, женственного. Кроме, пожалуй, маленьких курносых сисек, чудом проросших на костлявых ребрах. Степан, впрочем, особо не стал с ними цацкаться. Из принципа. Она добивалась, чтобы он ее трахнул? Он трахнул. А ласки-нежности — это из другой оперетты. Это не с ней.

Он отвалился от нее сразу же, как только затихло последнее содрогание оргазма. Она с загадочной

полуулыбкой смотрела в потолок. Затем потянулась к своей сумочке, валявшейся на полу вместе с одеждой, вытащила оттуда сигареты, закурила, не спросив.

— Пепельница у тебя есть? — Она снова откинулась на подушку, рассматривая, как распрямляются завитки дыма, уходя вверх. Серебряные браслеты тонко звякнули, скользнув по ее смуглой руке.

— Нет. Пойди на кухню, возьми блюдце в шкафчике. Там и докуривай. У меня в спальне не курят.

— Неужели я тебе до такой степени неприятна?

Степан немного смутился. Одно дело думать, а другое — сказать подобное в лоб. Женщине такое не говорят... Даже такому буратино, как эта Кира!

— Я не люблю табачный дым.

Кира, ничуть не стесняясь, соскользнула с постели и потопала в сторону кухни. При движении ящерка будто зашевелила хвостом между ее ягодичками, и в этом было что-то... зоофилия какая-то, честное слово!

Степан раскинулся на постели, благо она освободилась. И зачем он ей уступил? Она извела его за последний месяц почти прямыми предложениями переспать. Ну, извела просто! Он уже не знал, куда деваться... Хотя разгорелось любопытство: за этим что-то кроется? Какой-то сюрприз? Может, она в постели большая мастерица и хочет удивить его изысками?

Ну вот, переспали. И что? И зачем? Конечно, он ее начальник — не исключено, что она хотела его расположить к себе, чтобы... Ну, прибавку к зарплате попросить, к примеру...

Да только, чтобы *расположить*, нужно же хоть какими-то достоинствами *располагать*! А тут ни ро-

жи, ни кожи... Про «изыски» вообще молчим. Бревно бревном, только ноги раздвигала. Оно ему надо, такое?!

Ее подозрительно долго не было. За полчаса можно уже и полпачки выкурить. Что она там делает, интересно? Может, ест? Или в туалете сидит?

Степан решил еще подождать. Но через двадцать минут не выдержал и, натянув трусы, двинулся в сторону кухни. Заглянул по ходу в коридор: под дверью туалета света нет, в ванной тоже. Ладно, идем дальше...

Она сидела на кухне, голым задом на табуретке. Спина взгорбилась хребтом, резко натянувшим жалкую сухую кожу. Интересно, она себя диетами изводит, дура, или просто бог обделил?

Она не повернула голову в сторону двери, и Степан обошел стол. Зрелище ему открылось следующее: перед Кирой стояла бутылка водки, оплавляя замороженные бока, и стакан. Сама она клевала носом над ним. Опытным глазом смерив бутылку, Степан прикинул, что девица заглотнула не меньше двухсот, — бутылка была целой, нераспечатанной, когда он положил ее в морозилку. Еще примерно пятьдесят бездарно нагревалось в стакане.

Он подавил волну отвращения, смешанную с некоторой жалостью. Вот ведь уё... моё. Надо ж такой уродиться нелепой. И зачем он только ей уступил, чтоб ее!.. Возюкайся теперь с этой дурой!

Он взял Киру за обе руки, потянул с табурета в свою сторону. Она приподнялась и сразу же рухнула на него. Он ощутил мягкость ее груди. «Хоть какие-то половые признаки, — буркнул он мысленно. — А то трахнул неизвестно что...»

Пришлось ее обратно загрузить в постель — в таком-то состоянии. А он так надеялся, что она свалит... Одеть ее, что ли, и отвезти домой? Но кто там, у нее дома? У подъезда не высадишь, она ж и двух шагов не в состоянии сделать... придется ее до квартиры волочь, а там звонить... Мож, она одна живет, но как знать... С родней встречаться не хотелось. А мож, она и замужем, между прочим.

Он отыскал под одеялом ее правую руку: кольца не было. Ну, правильно, кому такое буратино нужно!

Степан посмотрел на ее лицо повнимательнее. Короткая стрижка, спереди чуб косой, длиннее, чем остальные волосы, черный с рыжими прядями — ненастоящими, конечно, такие пряди в парикмахерских делают. Глаза у нее с азиатинкой: линия закрытых век имела легкую тенденцию к раскосости. А в общем, лицо как лицо, ничего особенного. Не красавица, прямо скажем. Но бывает и хуже. Так что ничего, кому-то и сойдет.

Он все еще продолжал размышлять, каким бы образом выдворить ее из квартиры, как вдруг Кира открыла глаза, резко поднялась на локте, затем свесилась с постели, содрогаясь. Ее рвало. Прямо на его дорогой ковер!

Его самого чуть не затошнило от отвращения. Он вскочил, схватил халат и вылетел из спальни, прикрыв за собой дверь, чтобы не слышать отвратительных звуков. Некоторое время он сидел на диване, не зная, что предпринять, — но, когда дверь открылась и Кира, бледная, показалась на пороге, робко спросив, где можно найти ведро и тряпку, — Степан принял решение. Он указал ей на кладовку, а сам быстро оделся, положил на стол деньги на

такси и велел ей, когда протрезвеет, ехать домой, а дверь просто захлопнуть.

Остаток ночи Степан провел в гостинице, мучаясь от брезгливости и недоумения. Спал он плохо, но долго. Проснулся только в половине девятого, позавтракал наскоро в ресторане. Ехать в офис нельзя: не одет подобающе, небрит. Ночью кое-как нацепил на себя вещи без разбору, лишь бы поскорее смыться.

По дороге домой он задавал себе вопрос: не могла ли она обчистить квартиру? Конечно, она у него работает, и паспортные данные у него есть, к тому же ее Дракошка привел — не с улицы девица, чай.

И все же...

Он открывал дверь с некоторым напрягом: что увидит дома?..

Увидел ее. Кира никуда не ушла, она сидела на диване в его халате. Умытая, причесанная, если данное слово уместно по отношению к аккуратности, поперек одного глаза, уложенному черно-рыжему чубу. Она подняла на него виноватый взгляд, но ничего не сказала.

— Почему ты еще здесь?!

— Мне пришлось одежду постирать... Она сохнет. А то я на пол ее бросила, раздеваясь, и когда меня затош...

— Понятно, — пресек Степан. — Я положу твои вещи в сушилку, через пять минут сможешь надеть. Где они?

— В ванной...

В его квартире веревок для сушки одежды не водилось, и эта придурочная Кира развесила свои шмотки на стойке для душа и на поручне вдоль ван-

ны, напоминавшей скорее небольшой бассейн. Он снял все кучей, не разглядывая — трусы, лифчик, платье, — и отнес в сушильную машину.

Учуяв постороннее присутствие, он обернулся. Кира стояла на пороге кухни, крутя концы пояса от слишком большого для нее Степанова халата.

— А можно я...

Она умолкла.

— Ну, чего?

— Я есть хочу.

«Вчера ты не спрашивала, когда водяру скоμμуниздила из морозилки!» — подумал он, но озвучивать не стал.

— Возьми в холодильнике, что захочешь.

Она вошла на кухню, а Степан из нее вышел, направился в спальню. К счастью, запаха не чувствовалось. Надо отдать ей должное, ковер она вычистила добросовестно и окошко открыла.

Он вытащил из шкафа костюм, рубашку, подобрал галстук... И вдруг, бросив все на кровать, вернулся на кухню.

Кира успела соорудить себе большой бутерброд с маслом и сыром и заварить чай из пакетика. Степан сел напротив.

— Объясни мне, зачем ты добивалась... этого?.. — спросил он тем особым начальственным тоном, который не предполагает возражений и отмазок.

— Этого — чего? — все же осмелилась она уточнить, откусив кусок от бутерброда.

— Не валяй дурака. Ты напросилась ко мне в постель. Зачем?

Она молчала. Степан подождал — отнес это на счет ее набитого рта. Но и прожевав, она молчала.

— Ну? — грозно произнес он, вдруг с удивительной ясностью ощутив, что причина у нее имелась, причем какая-то особенная. Не бабья дурь и не прибавка к жалованью. Что-то другое!

— Можно, я доем сначала? А то у меня в животе все переворачивается от...

— От?

— От этого разговора...

Подумав, что ее, не приведи бог, снова начнет тошнить, он кивнул:

— Позовешь, когда закончишь.

Он вновь отправился одеваться, прислушиваясь, не зовет ли его Кира. Но она пришла сама.

— Там машина сушильная уже закончила... Я не знаю, как с ней. Дай мне мою одежду, пожалуйста.

Степан, довязывая на ходу галстук, вернулся на кухню, открыл сушилку, молча протянул ей вещи. Платье, светло-коричневое, как слабый растворимый кофе, с бежевыми кантами по проймам и вороту, было сухим, но мятым.

Кира скрылась в ванной и через пару минут появилась оттуда, скорбно оглаживая короткий подол.

— Я не могу так на работу... Утюг у тебя есть?

Степан вдруг заметил, какие длинные у нее ноги. Верхнюю часть не видно, эти ровненькие бумажные палочки-ляжки, — видно только, что ноги длинные... Наверное, некоторым женщинам идет быть одетыми. Одежда оставляет загадку, над которой трудится воображение, — а воображение любит рисовать приятное!

Он кивнул на дверь в комнату, где располагалась гладильная доска и шкафы с постельным бельем и прочим домашним текстилем. Кира не прикрыла за

собой дверь до конца, и через несколько секунд он услышал, как зашипел утюг, выпуская пар.

— Я хотела тебе... вам... правду сказать... — донеслось до Степана.

— Ты о чем?

— Ты спросил... Вы... Зачем мне это нужно было... Так вот, я хотела правду сказать... Только не смогла начать...

— Начни сейчас.

Она вышла из бельевой, уже в отглаженном платье, и Степан сел на темно-синий кожаный диван, жестом указав ей на второй точно такой же, напротив.

Кира присела — скромно, на краешек, сдвинув коленки, пай-девочка. Степан попытался вспомнить, как она держалась в офисе его ассоциации, — и не смог. Он никогда не обращал на нее внимания — даже после того, как она принялась недвусмысленно намекать на свое желание прийти к нему «в гости». Он отшучивался на ходу или небрежно обещал «как-нибудь однажды почему б и нет». До тех пор, пока вчера не ляпнул: «Валяй!»

— Я не знаю, с чего...

— А что, все так сложно?

Она кивнула.

— Давай уже с чего-нибудь. Там разберемся.

— Только вы пообещайте, что дослушаете до конца!

— Дослушаю! — теряя терпение, проговорил Степан.

— Я не должна вам рассказывать, на самом деле, потому что это секрет!

Она вскинула на него глаза, в которых маячил

какой-то вопрос, просьба о поддержке, об одобрении, что ли...

Но Степан не стал ей помогать, чувствуя, что иначе они никогда не доберутся до сути.

— Это секрет, потому что меня наняли, чтобы... — голос Киры совсем упал, — чтобы шпионить, в общем... За вами.

— Дракошка? Дранковский?

— Да... Я не должна вам этого рассказывать... Но я потому к вам и напрашивалась... так активно... потому что он велел вас соблазнить и войти в доверие!

«Вот уж чего тебе не удалось, милая», — язвительно подумал Степан.

— И еще потому, что я хотела вам это рассказать, — продолжала Кира. — Получается, что я выполнила его задание и в то же время сделала то, что хотела...

Он не понял ее фразу.

— А чего ты, собсно, хотела? Рассказать, что тебя приставили за мной шпионить?

— Да. — Кира немного покраснела. — И еще я...

Она умолкла, и Степан разозлился. Мало того, что она облевала его ковер, так еще и шпионкой оказалась! И к тому же каждое слово из нее клещами нужно тянуть!

— Ну?! — грозно спросил он.

— И еще... Я хотела вас предупредить...

— О чем, ё-моё, ты можешь выразаться яснее?! Предупредить о чем? Что тебе велели шпионить, ты уже сказала. Чего еще? У меня тут прослушки стоят, что ли?

— Прослушки?! Я не знаю... А вдруг и вправду стоят?!

Кира, побледнев, вскочила с дивана. И затем

произнесла так тихо, что он скорее угадал, чем услышал: «Тогда убьют не только вас, но и меня! За то, что я вас предупредила!!!»

«Убьют»?

...Да уж, секс с Кирой и впрямь оказался с изысками!

Вдохнем поглубже, потом выдохнем. Он не ослышался? Кира сказала, что его *убьют*?!

Спокойно, Степан, спокойно. Девку эту взял на работу Дракошка. Она то ли ему племянница, то ли дочка друзей — фиг с ним, без разницы. И Дранковский велел ей набиться к Степе, президенту Ассоциации по развитию малого и среднего бизнеса, в постель, чтобы шпионить за ним.

Хорошо, допустим: Дранковский не знает вкусов Степана и решил, что у этой девахи есть шансы заделаться его любовницей, чтобы выудить у него несколько сокровенно-тайных мыслей. Проверить его лояльность по отношению к тем, кто однажды насел на него, как ледокол на льдину, и придавил всей тяжестью его идеи, замыслы...

В таком случае Дракошка сделал ход понятный, хоть и неумный. А Кира выполнила его распоряжение: набилась в постель к президенту. Но что она там плетет, что хотела ему всю правду-матку выложить? Фигли! Это запланированная часть ее роли, продиктованная Дранковским! Чтобы Степан *знал*, что он под контролем!

— Кира, у тебя хорошая зарплата?

Она удивилась, но ответила кивком.

— То есть, Дранковский... Кто он тебе, дядька?

— Нет... Он дружил с моим папой в юности... Крестил меня. И помог с работой у вас в АСТАПе...

Так сокращенно называлось детище Степана: Ассоциация Смелых, Творческих и Активных Предпринимателей.

Ясно, «бедная родственница». Богатый папочка нашел бы работу дочурке уж получше, чем должность горничной в офисе: чай подать, бутерброды сварганить, цветы полить, фиговня всякая.

— Пусть так. Он тебя пригрел, к нам в АСТАП пристроил. Ты ему обязана и выполняешь его волю. До этого момента мне все понятно. Непонятки начинаются с твоего решения меня «предупредить». За мной не только следят, но даже и жизнь моя в опасности, верно?

Кира вновь энергично кивнула, соглашаясь с вышеозначенным.

— А кой тебе черт, следят за мной или нет? Хлопнут меня или нет? Кто ты *мне*? Дранковскому ты хоть пятая вода на киселе, а мне ваще никто. Так какого хрена я должен тебе верить? Зачем тебе меня предупреждать? А?!

— Совесть... — Кира затравленно посмотрела на него.

— Чего-о-о?!

— Она мне не позволяет... Скрывать правду...

— *Совесть?!*

— Ну да.

Степан помолчал. Он давно не слышал этого слова.

Впрочем, слышал, конечно, — и недавно, и нередко. Его сотоварищ по борьбе за права малого и среднего бизнеса, а также директор основанной Степаном ассоциации Костик Урепкин, — он частенько пользовался данным словечком. Но пользовался им как грамотный пиарщик, в совершенно

практических целях, так, что ни у слушателей, ни у вещателя ни на секунду не возникало подозрение, что речь идет о том самом чувстве, когда *по-настоящему стыдно бывает*.

Костику не было стыдно за его пиар-пафос. Поначалу Степан думал, что он говорит то, во что и впрямь верит: тогда Костику было двадцать семь, и в нем предполагался еще не остывший юношеский пыл. Но Костику уже стукнуло тридцать пять, а пафос и возвышенный слог остались на том же месте. И тогда Степан понял окончательно: парень просто прирожденный словоблуд. Талантливый словоблуд, нужный в любом деле, — но за его искренность Степан бы и выпавшего из башки, сдохшего волоса не дал бы.

А тут вот сидит девица и говорит ему такое слово. Интересно, сама придумала? Скорее всего, да, — Дранковскому бы воображения не хватило. Хитрый и хищный, он обходится вообще минимумом слов. Наверняка только генеральную линию наметил, задание Кире дал, а уж она как могла, так и справилась, на двоечку.

— Тэк-с. Начинаем сначала. Дранковский велел тебе ко мне в постель набиться. И при этом он велел тебе за мной шпионить. И ты решила мне об этом *честно* сказать, потому как тебя *совесть* мучает. Я верно изложил?

Кира покивала.

— А вот скажи-ка, меня уже собираются убить или только *могут*?

— Я не знаю точно... Какая разница? И так, и так плохо!

— Если я тебе скажу, что *могу* однажды на тебе

жениться, ты сразу побежишь свадебное платье покупать?

Она замотала головой.

— А если я скажу, что *собираюсь* жениться, тогда ты...

— Но я не собираюсь за вас замуж!

— Ты че, идиотка? Я ж для примера только.

— Откуда мне знать? Я на всякий случай предупреждаю.

Степан мысленно выругался.

— Так вот, лапуля, я тебе скажу, как на самом деле было: тебе велели мне этот канкан с «совестью» устроить!

— Я вас не понимаю...

Вид у нее был несчастный, темные глаза стали влажными под косым чубом, но Степан ее ничуть не жалел.

— Ах, не понимаешь! Ладно, объясняю: Дранковский велел тебе не только ко мне в койку влезть, но и сделать вид, что ты мне такой большой секрет рассказываешь: мол, и шпионят за мной, и даже хлопнуть могут! И все затем, чтобы меня припугнуть, чтобы я знал, что под контролем! Времена настали беспокойные, власти борьбу с коррупцией и рейдерством объявили, и ему охота меня в поле зрения держать, чтобы я не соскочил. Вот он тебя к этому делу и приспособил!

— Нет! — отчаянно всхлипнула она. — Все не так было! Дранковский мне ничего такого не поручал вам рассказывать! Он только хотел, чтобы я стала вашей «подружкой» и докладывала ему о ваших настроениях. А я сама — сама! — решила сказать вам правду! Только не знала, как подступиться... Я же

была вынуждена вести себя как женщина, которая соблазняет мужчину!..

...«Соблазняет», она — его? Да он уступил ей чуть ли не из жалости! Целый месяц приставала к нему с намеками... Разве так мужчину соблазняют?!

— ...а когда мы остались наедине, я не смогла сразу сказать, потому что вы меня тут же уложили в постель...

«Я?! Уложил?!» Степан был оскорблен до глубины души.

— ...а в постели как-то не очень... удобно... о таких вещах говорить... А потом я напилась... Поэтому сказала только сейчас.

— Кстати, какого черта ты напилась?

— С горя.

Степан еще раз посмотрел на нее: длинная, худая, вся такая нескладная, как ее чуб. И дура к тому же.

Он не стал спрашивать, что за горе у нее приключилось, опасаясь очередной порции глупостей.

— Вернемся к Дранковскому. Допустим, ты сама решила мне рассказать правду, на что тебя сподвигнула... хм... совесть. А что же ты слышала? Конкретнее можно? Знаешь, лапуля, вероятность того, что меня могут хлопнуть, витает надо мной уже лет двадцать — с тех пор, как я занимаюсь бизнесом. Так что этим ты меня не удивила.

— Дядя Витя... в смысле, Виктор Станиславович... говорил по телефону с кем-то. И я слышала, как он сказал примерно такие слова: «...Кирка будет мне обо всем сообщать. А если что не так, то придется пойти на крайние меры».

Степан задумался. В ее словах и впрямь могла оказаться правда...

В разгар перестройки Степан ударился в бизнес, как едва ли не каждый второй в те годы. Знаний не было, опыта тем более, зато энергия была через край. Первые наезды рэкетиров, первые взятки чиновникам — он относился к таким делам философски. Есть вещи, с которыми не считаться невозможно, нравятся тебе они или нет. Это как правила дорожного движения: не хочешь стоять на красный и ехать на зеленый? Лучше не садись за руль, причем никогда. А раз сел, то в твоих же интересах их соблюдать. Жизнь дороже.

Но когда он создал Ассоциацию предпринимателей малого и среднего бизнеса, АСТАП, — вот тут и начались игры нешуточные. Он создавал ее не только чтобы налоги скостить, он и в самом деле хотел, болван, объединить молодых и инициативных ребят, чтобы вместе противостоять нахлебникам... А вышло так, что он лишь еще больше вляпался. Тут же повылезло сыто-гладкое чиновничье мурло. Это был совсем новый для него тип обложения оброком, куда более изощренный, чем рэкет девяностых! Одним хотелось постик у Степана в ассоциации (задарма зарплату получать!); другим хотелось ма-а-аленькую фирмочку, фирмаську такую крохотную, под крылом ассоциации открыть. Отказать им нельзя было никак — он же не самоубийца, чтобы на красный ехать!

С другой стороны, все равно кто-нибудь бы наел, охотников за чужим добром много! А эти хотя бы бизнес его не трогали и даже служили в некотором роде гарантией, что другие не тронут...

И сколько за эти годы левых денег прокатилось через счета их фирмасек, сколько осело в офшорах!

Вроде тапки для безногих инвалидов продавали, а выручали миллионы, чудеса!

Степан чудесам этим знал цену. Хорошо знал, потому и молчал. Делал вид, что не понимает, и старался не интересоваться, не вникать. Любопытство в таких вещах и в самом деле могло оказаться *смертельно опасным...*

Он так и не решил, верить ли Кире. Принесла ли она ему и впрямь в подоле *совести* это признание — или все же пляшет под дудку хитрющего Дранковского? Но, за неимением внятного ответа на вопрос, он решил, что будет лучше, практичнее, если он ей поверит. По крайней мере, сделает вид. Это давало ему выигрыш во времени, а время — возможность разобраться в ситуации.

— Ладно, Кира. Я оценил твой жест. Если я правильно тебя понял, то мы оба под колпаком. Так?

— Так, — горестно согласилась она, отчего-то натягивая короткое платье на коленки.

— В таком случае я тебе предлагаю вот что... Давай делать вид, что ты преуспела, Мата Хари, и меня соблазнила. И мы стали любовниками. Таким образом, ты сможешь заверить Дранковского, что выполнила его задание... Ну и я, конечно, буду тебе признателен за информацию с той стороны.

— Хорошо, насчет вида я согласна, но только вид! Если честно, мне совсем не понравилось с вами в постели!

Это ей не понравилось??? Все наоборот, это ЕМУ не понравилось!

Уязвленный, он не удержался, глупо спросил:

— Это отчего же?

— У вас никакой фантазии нет. Вы лежите как

бревно и ждете, чтобы женщина вас обслуживала. А я не гейша, чтобы вас ублажать.

Это он как бревно?! Это же ОНА!!!

— И потом, если честно... У вас тело слишком жирное. Вы за собой не следите, лишний вес, вон на боках складки, и живот выпирает, и задницу себе наели... Неэстетично.

*Это у него тело неэстетичное? Это же у НЕЕ!
Все наоборот!!!*

Степан был так оскорблен, что даже не нашелся, что ответить с ходу. Взяв себя в руки, он через некоторое время проговорил небрежно:

— Все в мире относительно. По мне, так твоя худоба неэстетична, и твои переразвитые мускулы, и... Если уж про задницу, так у тебя ее вообще нет!

Кира вытаращила на него глаза от удивления, Степан был доволен. Небось никто ей до сих пор правды не говорил!

Но она быстро нашлась:

— Вот и отлично! Нам не придется друг на друга обижаться, раз мы друг другу не нравимся. Будем вместе *делать вид*.

* * *

...Почему мы говорим «мое тело»? Оно *не мое*. Оно мне не подчиняется. Оно, вопреки моей воле, болеет, стареет. Оно, как тюремный костюм, выдано нам кем-то на срок заключения, заключения своего «Я» в нем. Потому что, когда этот костюм окончательно прохудится, наш срок аренды закончится.

Тот, кто шил эти тюремные костюмы, вряд ли создавал их по вдохновению. У него изредка получались шедевры, иногда просто добротные вещи, но дальше дизайнер, видать, отдыхал: лепил наскоро,

тяп-ляп, руки-ноги приставил абы лишь бы... Халтурщик! Сколько людей маются из-за его недобросовестности!

Но тем более обидно, когда сей неведомый дизайнер выдал тебе красивую внешность, приучил тебя к ней, а потом принялся отнимать собственный дар! Да не так, как у Золушки, с боем часов бальное платье — в замызганную одежду замарашки. Нет, он действует, как извращенный садист: портит костюм потихоньку, по частям, по крохам, но методично. Там лоскут оторвал, там шовчик распустил... И у тебя нет никакой возможности вырваться из его кровожадных лап, мучающих тебя... Ни-ка-кой!

Александра смотрела на себя в зеркало. Вот они, первые морщинки! Незаметные пока постороннему взгляду, но в зеркале с увеличением весьма очевидные... Все мы знаем, что однажды начнем стареть, однако живем так, будто нас это никогда не коснется. словно именно нам выпала вечная молодость и бессмертие в придачу. Но наступит день, когда зеркало напомнит тебе: нет бессмертия, и вечной молодости нет, и теперь подошел твой срок — держи в доказательство свою первую морщинку!

Да к тому же овал лица потерял изящную легкость — сказались лишние семь кило, которые она прихватила после родов. Она их не просила! Это дизайнер-садист так решил! Правда, она с ним пыталась сражаться — три килограмма ей удалось сбросить. Но оставались еще четыре. Они залегли в щеках, на талии, в выступившем животике. Муж утверждает, что так она еще соблазнительнее... Он милый, конечно. Но ее собственный критический взгляд — взгляд женщины, привыкшей быть едва ли

не эталоном изящества, — сурово оценивал изменившуюся внешность.

«Нет, нет и нет! — Александра резко отвернула от себя увеличительное зеркало. — Это не возраст — какой, к черту, возраст, когда еще и сорока нет? Я просто устала. Мне нужно отдохнуть. Привести себя в форму. Отоспаться. Заняться спортом. И я снова стану свежей и красивой. Обязательно!»

Александра старалась быть хорошей матерью. Поэтому она не бросала своих двойняшек на нянь и бебиситтеров. Они существовали, конечно, и помогали, — но именно помогали. А бóльшую часть времени проводила с детьми Александра. И недосыпала. И сильно уставала.

Александра старалась быть хорошей женой. Которая заботится о своем муже. Хотя Алеша заботы в бытовом смысле не требовал — он довольствовался любой едой, будь то изыски домашней кулинарии или полуфабрикаты. Он, когда находил хоть десяток свободных минут, старался побыть с детьми и помочь по хозяйству. Только работа у него такая, что... Какой там десяток минут! Иногда Александра его сутками не видела!

Посему роль «хорошей жены» сводилась отнюдь не к стирке-готовке. Она сводилась *к пониманию*: он очень занят, и ей нужно управляться без него.

Более того, важность *его* работы (ну как же, частный сыщик, — случалось, что от него зависит жизнь и смерть, — какие тут могут быть возражения!) невольно, не нарочно, но все же отодвигала на задний план важность *ее* работы. Подумаешь, ну не напишет она лишнюю статью. Никто не умрет.

Не умрет? Ну да, не умрет... Только у карьеры,

особенно журналистской, свои законы. Выпадешь из рядов — твое место быстро оккупируют. С визгом от счастья, что ты выбыла. Что наконец-то им перестанут ставить тебя в пример и попрекать профессиональным несовершенством, кивая на совершенное мастерство Александры Касьяновой.

Но ей отнюдь не хотелось доставлять всем такую радость. Она любила свое дело, она не мыслила себя без журналистской работы, без своих статей, где в равной мере дорожила мыслью и слогом. Да и что она умела делать, кроме как писать? Ничего.

Потому Александра не могла себе позволить передышку.

Так к ее наилучшим намерениям быть хорошей матерью и хорошей женой прибавлялось еще одно: оставаться хорошей журналисткой.

И вот результат: круги под глазами, несколько морщинок и четыре килограмма, с которыми сладу нет.

Но надо сладить, надо! Тюремный костюмчик принадлежит не нам, да, но он находится в нашем временном распоряжении, и, значит, в наших силах его подлатать!

Алексей Кисанов, частный детектив, вернувшись домой, застал любимую жену в мрачном расположении духа. Поскольку Александра не принадлежала к той породе женщин, которые выдумывают свои несчастья, спекулируя ими, то он не на шутку забеспокоился.

Сначала она упорствовала и глаза отводила, уверяя, что все в порядке. Но он настоял, и она раскололась. Рассказала без прикрас и про морщинки, и про килограммы; и об усталости, и о желании быть

хорошей матерью-женой-журналисткой... И еще вот эту мысль, про наше тело, тюремный костюм, который непонятно кто шьет и кто выдает его нам на прокат... И еще про годы, в которые мы будто не верим, но они приходят...

...Что замечательно с Алешей, — думала Александра, глядя на сосредоточенное лицо мужа, — он умел слушать и понимать слова. Да-да, *слова*, — потому как существует немало мужчин, которые их не понимают. Тарелку в стену — да. Истерику — еще лучше. А слова, по какой-то необъяснимой причине, нет. Можно их повторять месяцами — так и не услышат. Зато посудку разбить — и сразу все ясно, без переводчика!

Но для Александры язык битых тарелок был недосягаемо иностранным — она предпочитала общаться посредством мыслей, облеченных в слова. К счастью, голова Алеши устроена рационально, логично, и способность выстроить мысли в последовательность (как в голове, так и в речи) представлялась ему самым значительным достижением с тех пор, как homo стал sapiens.

— Саша, все очень просто! — выслушав, заявил Алексей. — Это уже не усталость, а пе-ре-у-том-ле-ни-е! Тебе нужен отпуск. Причем срочно. У меня сейчас никаких серьезных дел нет — кризис, народ деньги лишний раз не потратит, клиентов побавилось. Так что пользуемся моментом! Поезжай на море на пару недель, развейся! Массажи, водные процедуры, тренажерный зал — что там еще есть? В общем, по полной программе. Отдохнешь, отоспишься — никаких морщинок и в помине не останется, я тебе гарантирую! И свои несчастные четыре кило сбросишь. Пошипать тебя будет не за что, но

я, как истинный джентльмен, готов пожертвовать своими интересами ради твоих, — усмехнулся он под конец тирады и, задрав ее кофточку, вкусно поцеловал в живот.

Она возражала, беспокоилась: а как же дети? Но Алеша разбивал все ее страхи своей железобетонной уверенностью. Он справится. И еще у них есть приходящая няня. И бебиситтер, к чьим услугам они иногда прибегали для вечерних выходов. Если что, можно и бабушку с дедушкой задействовать, но вряд ли придется: работы почти нет, кризис, Сашка, кризис! Дуй на курорт со спокойной душой!

Со спокойной или не очень, но она согласилась. Распечатав на принтере длиннющие инструкции мужу и няне на все случаи жизни, она через неделю улетела на отдых. Впрочем, не совсем на отдых, так как летела она с компьютером, в намерении написать тройку статей, которые задолжала. Но работать в теньке, за столиком кафе недалеко от пляжа, слушающая шум волн и вдыхая запахи моря... О боже, это же счастье!

К тому же, если у Алеши сейчас не будет заработков, то должен ведь кто-то семью содержать, верно?

Эта мысль окончательно примирила ее с идеей отпуска.

* * *

«*Придется пойти на крайние меры*». Как бы скептически ни относился Степан к словам Киры, а все же они застряли в его мозгу.

Он никогда не ездил на «красный свет», всегда вел себя осторожно по отношению к «фирмаськам»,

да! Лишнего, ненужного и опасного любопытства не проявлял, да! И толком ничего об их деятельности не знает — и знать не хочет, да! Отчего им, «Дракошке и компашке», как прозвал их Степан, нет никакого резона бояться ни его неосторожного слова, ни тем более прямых разоблачений, да! Степан ведь ежели заварит кашу, то непременно окажется сам замешан в дерьме: бить себя в грудь, что не знал, — смешно. Никто не поверит, да...

Так что Дранковский и иже с ним могли жить спокойно, в полной уверенности, что Степа на рожон не полезет.

Но тут могло быть другое. Если они почуяли, что зарвались, что не сегодня завтра их накроют, — то им срочно нужен козел отпущения, стрелочник. А в этой роли обычно с наибольшим успехом выступает мертвец, м-да...

Причем на их месте он не стал бы делать заказное — насторожит излишне. Он бы сделал несчастный случай! А они — они тоже не дураки, отнюдь нет.

...Неужто теперь жить с постоянной оглядкой? Каждый раз, когда ставишь ногу на проезжую часть, ожидать наезда? Выглядывая в окно, опасаться, что из него выпадешь? Купаясь в водоеме, бояться, что утонешь???

Следовало переговорить с Костиком, директором его ассоциации. Словоблудом Костик был только в речах, а так, по жизни, нормальный мужик, чего там. И вполне здравомыслящий.

Если уж совсем честно-честно, то Степан надеялся на возражения Костика, типа «ерунду говоришь!», подкрепленные разумными аргументами.

Но вышло совсем иначе.

В ответ на слова Степана в глазах Костика замечтался страх — неподдельный, жутковатый.

— Степ, слышь, у меня такие дела в последнее время... Я не говорил тебе — боялся, что за сумасшедшего меня примешь! — но теперь, после твоих слов... Слышь, тут вот такая история... Мне в последний месяц все попадается девица одна. Довольно красивая, блондинка, и вся в черном, с ног до головы, только помада красная. Я иду себе по улице, а она навстречу. И смотрит на меня. Улыбается.

— И чего?

— Она мне всегда навстречу идет, понимаешь?

— Не-а. По какой улице?

— Да в том-то и фокус, что по разным! Я же не люблю на машине, ты знаешь — пробки хуже каторги! Я чаще на метро, а значит — и пешком между станцией и местом назначения... И она мне часто попадается. И всегда — навстречу! Причем в разных местах! Степ, ты согласен — такое же не может быть случайностью? Она за мной следит!

— Надо думать...

— Вот-вот! Идет навстречу и лыбится при этом! Несколько дней назад я не выдержал, взял и спросил: «Чего вам от меня надо, девушка?»

Костик вдруг умолк. Степан подождал и спросил:

— И чего?

— У меня до сих пор мурашки по коже... Я не трус, но тут... Пробрало, Степ. Знаешь, чего она мне ответила? «Как же мне с вами расстаться? Ведь я — ваша Смерть...» Вот что она мне сказала, Степ... С улыбочкой такой...

И Степан увидел, как встали дыбом волоски на руке Кости.

— А ты за ней сам последить не пытался?

— За НЕЙ? — переспросил Костик с таким ужасом, что волоски встали дыбом на Степановых руках.

...Нет, нет уж — ни в какую мистику Степан Катаев не верил! Костик был вполне симпатичным мужиком, при этом любил хороший прикид, отчего за версту выглядел преуспевающим мэном. А телок, которые готовы на любую экстравагантность, лишь бы отловить преуспевающего мэна, он перевидал «по самое не могу».

— Кость, ну ты чего, совсем, что ли, с дуба рухнул? Телка с тобой познакомиться хочет, старается оригинальничать, а ты и повелся, как лох последний? К тому же ты кольцо обручальное не носишь... Почему, кстати?

— Да мало оно мне стало... Надо б его растянуть, но руки не доходят. Или ноги.

— Вот-вот! Кольца нет — вроде как свободный. То-то девки липнут! У меня тоже таких вагон и маленькая тележка, вечно прилепиться норовят. Не принимай всерьез!

— А тебе б сказали, что твоя Смерть к тебе прилепилась, ты бы как?!

— Я бы? Я бы на три буквы ее послал, Костик! Давай лучше думать, что там Дранковский крутит против нас. Ведь пойми, если он против меня что-то затевает — значит, и против тебя. Мы ж с тобой в одной упряжке!

— Степ, погоди... Может, эту девку ко мне Дранковский и подослал?

— Хм... Это мысль! Ко мне Кирку, к тебе девицу на улице... Чтоб мы с тобой убоялись... Ну, точно! Костик, я все понял! Эти бабы — будто записочки такие нам: осторожнее, парни! В общем, это не угроза, а предупреждение! Ничего серьезного. «Дракошка и компашка» и без того знают, что мы с тобой люди разумные!

— Твоими бы устами мед пить... — упадническим тоном проговорил Костик.

* * *

Александра любила Красное море и вообще любила всякое море, но больше всех любила Черное. Только у нее отняли Коктебель, Ялту, Феодосию, Пицунду — у нее всё отняли, вместе с детством, вместе с куском ее души.

И она стала ездить на Красное.

Ей нравилось прилетать ночью, легко завтракать в пустынном ресторане, когда весь отель еще безмятежно спит, а потом пойти медленно к морю, издалека улавливая его предутренний блеск, прислушиваясь к его дыханию, втягивая ноздрями солоновато-горький запах... Потом она бродила по едва различимой, прохладной кромке воды в ожидании ритуала рождения солнца. И вот — в этих широтах всегда неожиданно и стремительно — солнце вдруг вырывалось из лона вод. Новорожденное, сначала мокрое и красное, оно быстро обсыхало в просторной простыне неба, все светлея, становясь чистым и звонким, как детский смех.

Приняв роды солнца, Александра уходила спать, умиротворенная, и спала долго, долго, пока спалось. И никто не тревожил ее сна.

Проснувшись далеко за полдень, она деловито и

в то же время расслабленно входила в ритм курортной жизни: осваивала пляж, спортзал, массаж. И, конечно же, наилучший столик из всех многочисленных кафе отеля, за которым особенно удобно и приятно работать.

Среди статей, которые она задолжала, первой и срочной была одна, под риторическим вопросом «Есть ли у нас малый бизнес?».

Смысл ее заключался в том, что в любой бизнес, как метастазы, проникают другие структуры — власти и криминала, — и малый бизнес является, в реальности, всего лишь малой структурой о-о-очень большого теневого бизнеса. Любое существующее ныне заведение, будь то парикмахерская, ресторан или завод, уже фактом своего существования доказывало свою коррумпированность, потому что иные заведения не выживали. А иногда и их основатели.

Все это знали, от президента до пенсионера, читающего газеты, но никто не мог указать на зло пальцем: оно было безлико оттого, что имело слишком много лиц. Тем не менее все дружно верили, что со злом этим кто-то борется. И что его даже скоро победят.

Александра прослушала интервью, записанное на диктофон. Предприниматель Степан Катаев начинал свою карьеру с продажи тары. Деревянной, грубо сколоченной, из которой торчали гвозди и занозы, тем не менее верно прослужившей складам, базам и магазинам всю советскую эпоху и пребывавшей отчего-то всегда в дефиците. Катаев собирал разбитые ящики, сколачивал их заново и опять запускать в оборот.

Позже он арендовал цех и стал делать пластмас-

совые ящики, которые не гнили на складских территориях под дождем, не оставляли занозы в руках, не разбивались от нечаянного удара, не высыхали под солнцем, как деревянные. Быстро реагируя на запросы рынка, он затем освоил картонные упаковки для разных товаров. Еще годика четыре спустя, серьезно повысив качество, взялся за упаковки для пищевых продуктов, — дела шли тем более хорошо, что он в ту пору оказался единственным на отечественном рынке, кто соответствовал европейским санитарным стандартам и нормам, но при этом его продукция стоила в два раза дешевле западной...

«Честный бизнес, честные деньги, — пометила Александра. — Обязательно донести до читателя, который до сих пор любого состоятельного человека считает вором».

Вдохновленный собственным примером, Степан часто отзывался на просьбы о помощи начинающих бизнесменов, а потом решил создать ассоциацию малого и среднего бизнеса. Под забавным названием АСТАП (почти Бендер!) Ассоциация Смелых, Творческих и Активных Предпринимателей тоже процветала. Казалось, за что ни возьмется этот человек, все в его руках зеленеет и плодоносит.

Однако Александра пыталась вытащить из него совсем другую информацию: кто на него наезжал да какой ценой он выжил. Степан уходил от подобных вопросов. Понятно: хочет жить и дальше. Отчего не станет закладывать тех, кто его рэкетирил, — но позволял существовать, так как Степан платил; тех, кто обложил его взятками и откатами, — но поскольку получал, то позволял бизнесу развиваться.

Однако общие знания и понимание вещей —

ничто в журналистике без конкретных фактов. И где их взять, если все молчат? Кто под страхом потери своего дела, а кто и под страхом смерти...

Собственно, Александра сначала хотела писать о другом. Ее интересовала тема, отчего у нас практически нет своего производства. Отчего все ударились в торговлю. Перепродавать, понятно, легкое дело — куда легче и прибыльней, чем производить. Но для процветания государства необходимо производство! А значит, нужны программы поддержки для предпринимателей, нужно вникать в их проблемы, их беды, их сложности...

Вот о чем собиралась писать Александра. Принялась изучать материал и вскоре поняла, что на заре российского капитализма аппетиты у разного рода «крыш» были непомерно огромные, реальной поддержки со стороны государства предпринимателям не существовало — ни правовой, ни финансовой, — а выплачивать доли от еще не случившихся доходов невозможно. Отчего было им проще заниматься коммерцией, а не трудоемким процессом производства. В котором меж тем нуждалась и нуждается страна!

В поисках ответа на столь животрепещущий вопрос она некоторое время назад набрела на ассоциацию Степана Катаева. По ее сведениям, он являлся тем самым редким *производителем*: у него уже имелся маленький заводик и дела шли отлично. Как же ему удалось то, что не удавалось другим? Неужто его не коснулись общие беды?

— Рэкет, конечно, как же без него, — улыбнулся он на вопрос журналистки. Александре понравилась его улыбка: в ней не было хорошо ей знакомого выражения «один пишем, три в уме». — Но я сам был

хулиганом дворовым, умею с такими ребятами разговаривать.

— И как же с ними надо?..

— Уважительно. Они же хулиганье бывшее, ничему не научились, ничего не добились, бандитами стали. И знают ведь об этом! Когда они к вам приходят, им заранее обидно, что вы что-то умеете, а они нет. Поэтому они страшно не любят, когда перед ними выделяются.

— Хм...

— Ну, вспомните, в школе, был у вас какой-нибудь хулиган в классе? А училки трындели, трындели, что плохо так, и этак плохо, и весь он плохой. А толку? Ни хрена. А девчонка какая-нить ясноглазая вроде вас, если она его просила при ней не ругаться, то он разве же ее не слушался?

— Слушался! — рассмеялась Александра.

— А все потому, что она его не презирала, она на него глазки, реснички, голосок ангельский — мощное оружие! В детстве, конечно, пока не заматерели. Ресничками их теперь не возьмешь. Но если не выделяться, поговорить как человек с человеком, то они тоже нормальные ребята оказываются. Платить все равно придется, разумеется, но по-божески... Не в плане суммы, тут они стояли твердо, но могли подождать, к примеру, когда с ними душевно... И потом, они ведь и вправду мой бизнес охраняли! От других бандитов, — он снова улыбнулся, и Александре снова понравилась его улыбка. — Хотя это еще вопрос везения. Некоторым полные отморозки попадались... С другой стороны, отморозков и в бизнесе было немало, особенно в те годы. Но у меня все гладко прошло, мирно, тьфу-тьфу.

— А сейчас?

Тут Степан стал уходить от разговора, рассуждать о процессах в обществе...

— С бандитами гладко прошло, а как с чиновниками? — перебила его Александра.

Степан умолк и пристально посмотрел на нее. Да как посмотрел! В его глазах читалось многое — и это *многое* было нелестным для журналистки. Проще говоря, взгляд его вполне недвусмысленно вопрошал: *не, ну ты чего, совсем тупая, такие вопросы задаешь?*

Александра тоже посмотрела на Катаева повнимательнее. До этого момента он ей казался человеком довольно простым — этаким живчиком, в котором бушует деловая энергия. При этом конформистски-покладистым, без всякой рефлексии. Но сейчас она вдруг увидела в его глазах лучик, своеобразный такой лучик, ироничный и умный... Нет, не так уж он прост, Степан Катаев!

— И все же! — настояла она, чувствуя себя меж тем полной идиоткой в его глазах. Но ей нужен был материал для статьи, и объяснить это Степану Катаеву она не взялась бы. Слишком разные у них интересы: у него — умолчать, тогда как у нее — максимально прояснить.

Он легонько усмехнулся, кивнул и пустился отвечать. По его словам выходило, что есть, конечно, чиновники, которые требуют взятки, но их мало, и они уже почти в прошлом... Тра-ля-ля.

Александра задала еще несколько вопросов о деятельности ассоциации Катаева, обратив внимание на целый ряд фирм, пригревшихся под ее крылом. Они занимались чем-то очень расплывчатым и Степану не принадлежали — ассоциация АСТАП их

взяла под свое крыло, чтобы якобы помочь им встать на ноги...

Александра попросила о возможности ознакомления с их деятельностью более подробно, встретиться с руководителями, взять у них интервью.

— Не стоит, Александра Кирилловна, — произнес Степан и твердо посмотрел ей в глаза.

И она поняла все, что он ей не сказал.

* * *

Как ни странно, «видимость» отношений с Кирой быстро и легко наладилась. Исключив постельный аспект, они оба только выиграли: вопрос «кто из них бревно» отсох сам собой, а с ним отсохло и напряжение.

Степан не каждый день бывал в своей ассоциации — бизнес требовал его присутствия на основном рабочем месте, а тем более в кризисные времена, когда нужно оперативно решать вопросы падающей рентабельности производства. В ассоциацию — «Аську» по-простому — он обычно являлся под конец рабочего дня. Но так же поступали и другие: Дранковский, Белых, Никифоров, Габуния, Чириков — все те, кого Степан называл «Дракошка и компашка». Все они были знакомы между собой давно и насели на ассоциацию Степана не случайно, не разрозненно. Он был уверен, что раньше они так же крепко оседлали еще несколько подобных организаций — ассоциаций и фондов — и повсюду открыли, насильно вклинившись к ним под крыло, «фирмаськи», на первый взгляд малосущественные и безобидные, но на деле служившие насосом для перекачки левых денег в райские налоговые кущи.

Все эти пятеро хорошо сидели в районных, городских и федеральных властных структурах, от их подписи и словечка многое зависело, и спорить с ними не рекомендовалось — ни тогда, когда они въехали «под крыло» его ассоциации, ни тогда, когда принялись левачить под этим самым крылом.

Все это Степан слишком хорошо понимал, чтобы им перечить. Он даже никогда не рассматривал всерьез мысль о том, чтобы собрать на них компромат. Компромат-то собрать можно, но кому его нести? В те же властные структуры, где сидят двойники «Дракошки и компашки»? Смешно.

Степан Катаев был фаталистом. И они это прекрасно знали. Отчего подвоха от него не ждали, никак не могли ждать!

Другое дело, что... Ну да, если им понадобится стрелочник! В этом цирковом представлении под названием «борьба с коррупцией» (с которой, по определению, должны бороться глубоко и безнадежно коррумпированные люди) время от времени возникает надобность в показательных процессах. Отсюда требуется и очередная повинная башка.

Вот чего как раз Степан не хотел допустить: чтобы ею оказалась его личная башка!

В итоге он к Кире испытывал нечто похожее на благодарность и простил ей даже облеваный ковер — только водки больше пить не позволял.

Теперь первым делом, появившись в «Аське», Степан шел на обширную общую кухню, которой заведовала она. Не сговариваясь, они научились вести себя в полном соответствии с задачей. То есть выказывали друг другу знаки внимания, но словно невзначай, словно стараясь их скрыть от посторонних. Степан «украдкой» тискал ее, Кира «украдкой» его целовала.

Игра удалась: посторонние, конечно же, быстро все заметили, и уже в каждом коридоре и кабинете шептались, что Кира добилась своего и «през» (то есть президент) положил на нее глаз! Дракошка должен быть доволен: теперь он уверен, что будет в курсе всех его мыслей, всех его намерений, контролировать каждый шаг!

После работы они с Кирой уходили вместе. Степан даже не считал нужным вникать, следит за ними кто или нет. Он всегда у Дракошки на крючке, а каждый ли день или час, это уже ничего не меняет.

Сам он пока осторожно присматривался, принюхивался, пытаясь разглядеть тучу раньше, чем гром грянет, — но пока ее не видел. Или дальности зрения ему не хватало? «Дракошка и компашка» засуетятся, когда им лично кто-то на хвост наступит, вот тогда они и начнут пристраивать Степину голову на плаху.

Главным в этом деле было не пропустить решающий момент наступания им на хвост. Беда, однако, в том, что происходило это в других местах — в тех, где все эти высокопоставленные чиновники сидели. Именно там против них играли другие силы в борьбе за доходное место, и у каждой из этих сил имелся свой покровитель, еще более высокопоставленный.

Обсудив ситуацию с Костиком, они решили отлавливать течения и движения в городских и федеральных властных структурах, чтобы быть в курсе, в какую сторону складывается перевес. Для чего наняли втихаря опытного специалиста по конкурентной разведке, умевшего добывать нужную информацию, и вменили ему в задачу все эти течения-движения отслеживать...

Кира неплохо готовила, как выяснилось. Особенно хорошо у нее получалась рыба под сливочно-лимонным соусом.

— Ты где это наострилась? — добродушно спросил он.

— В книжке вычитала, — пожалала худыми крепкими плечами Кира.

Впрочем, ее плечи, как и остальные части тела, больше не напрягали Степана. Буратино и есть буратино: то ли мальчик, то ли девочка, — в общем, что-то такое не половое, не сексуальное. С *этим* можно даже дружить.

Для разнообразия — и для соответствия их легенде — он иногда приглашал ее в рестораны. И даже пару платьишек ей под это дело купил. Надо заметить, что в платьишках она смотрелась куда приличнее. И вообще эти хитрые одежки полны обмана: вон как попу тощую облегает юбочка! Можно подумать, что там и впрямь есть что облегать... Про сиськи и слов нет: вырез такой зазывный, так бы туда и упал! Ежели б он своими глазами не видел, какие у нее на самом деле малюсенькие сиськи и какая у нее чудосочная задница, ну точно бы повелся!

Жизнь состоит из видимостей, философски заключил Степан. «Дракошка и компашка» создают одну видимость, бабы — другую, а все одно. Все врут. Все симулируют. Симу... Какое-то слово было умное... Костик, краснобай, ему объяснял... Симу... Нет, не «симулянты», а как-то иначе...

А, «симулякры»! Видимость, подмена, обман. Вот-вот, все они и есть симулякры! И Кирка — симулякр, и Дранковский с компанией — симулякры!

Хотя нет, насчет Кирки он чуток перебрал. Она-то ему правду рассказала! Совесть ей, типа, велела...

А то, что ее задница под платьем выглядит аппетитнее, чем в натуре, — так не ее вина, надо думать. Она ж не нарочно, верно?

И рыбу она под сливочно-лимонным соусом готовит вкусно...

Вскоре у Кирки обнаружилось еще одно несомненное достоинство, которое стоило даже больше рыбы под сливочно-лимонным соусом. Вернее, оно не само обнаружилось, а Степан в ней его воспитал: он научил ее смотреть футбол по телевизору!

Поначалу она не хотела. Поскольку они «делали вид» и ей нужно было торчать у него дома по вечерам, то она заскучала, когда начался матч. Попросилась за его компьютер, — как оказалось, она любит флэш-игры, где нужно чего-нибудь разгадывать.

— Валяй, — махнул он рукой, не отрывая взгляда от экрана. — Комп в кабинете.

Когда он заорал «го-о-ол!!!», привычно вслушиваясь в аналогичные вопли, доносившиеся из раскрытых окон дома, составлявшие ему незримую компанию, — в квартире вдруг раздалось: «Я вас поздравляю», вежливым девичьим голоском.

Он обалдел. Он напрочь забыл о Кире!

— Иди сюда, — крикнул он. — Иди посмотри, как Макаров¹ провел мяч! Скорей, тут повтор, замедленный!!!

— Меня не интересуется футбол, — напомнила ему Кира.

---

¹ Имя вымышленное. Если футболист по фамилии Макаров реально существует, автор категорически заявляет, что к нему данная сцена не имеет ни малейшего отношения.

И вдруг Степана будто стукнуло: а впрямь ли играет на компьютере? Или придумала эту байку насчет игр, чтобы залезть в его деловые файлы? Чтобы за ним шпионить?!

Он тихо поднялся — тапки валялись возле дивана, но он их надевать не стал. В одних носках он крадучись подобрался к кабинету...

Ему показалось, что она все же услышала его шаги и быстрым движением завесила экран игрой. Но внизу было видно, что она открыла еще какие-то файлы, — с порога он разглядеть их названия не мог.

Степан решительно направился к Кире, вырвал у нее мышку и пощелкал...

Нет, это были окошки Интернета.

— Не смейте смотреть мою почту! — прошипела Кира.

Она ему упорно «выкала» с той самой ночи, когда они оказались в постели и сначала перешли на «ты», а потом она демонстративно вернулась к «вы».

— Да нужна мне твоя почта! — фыркнул он, глядя на окошко, на котором обнаружился курс английского.

— Учишь, что ли? — немного удивился он.

— А вам чего?

— Ничего. Хорошее дело... Пойдем, я тебе объясню, что такое футбол, — с повышенной задушевностью предложил он.

Компания за окном — это хорошо, но рядом на диване было б еще лучше...

— Да я знаю!

— Ничего ты не знаешь! Ты, как все бабы, думаешь, что там просто мяч гоняют тупые мужики, —

сила есть, ума не надо, так? А на самом деле это очень умная игра, очень!

— Да ну? — недоверчиво произнесла она.

— Точно говорю. Пойдем.

Кира проследовала за Степаном и села рядом с ним на синий диван.

— Эта игра — почти как шахматы! Где каждый игрок на поле как фигура на доске, но каждый при этом и шахматист. Футбол — игра комбинаций, понимаешь? Тут надо смотреть на все поле сразу целиком, не только на мяч. Вот, вот, гляди, гляди, номер десять, — видишь, он посмотрел, кому передачу сделать? И в одно мгновение просчитал! Глянь, глянь... Опа! Почему он передал мяч одиннадцатому? Потому что у него выгодное положение по отношению к девятке, а девятка, смотри, он к воротам... Го-о-ол! — снова заорал Степан, привычно вслушиваясь в солидарные отголоски за окном.

— Хм, — сказала Кира и устроилась на диване поудобнее. — А мы болеем, значит, за тех, кто с правой стороны?

...Через полчаса она пила пиво вместе со Степаном, шелкала солеными фисташками и кричала «го-о-ол!».

За первые четыре дня работы КР — так они с Костиком сокращенно прозвали специалиста по Конкурентной Разведке — выловил уйму интересной информации. Теперь они знали, с каким политико-финансовым крылом властей связаны «Дракошка и компашка», в каких общих делах они участвовали, в каком бизнесе у них были доли. И много еще чего полезного. Но, по правде говоря, все это Степана не интересовало. Ему бы попроще и поко-

роче: есть угроза лично для него и его ассоциации? И для Костика?

Заодно они попросили КР подкараулить странную девицу, которая так напугала директора, и разузнать о ней побольше.

На эти вопросы КР пока ответить не мог: мало времени прошло. Обещал в ближайшие дни. Что же до Костиковой «Смерти», то она пропала. Как ветром сдуло.

Костик полегчало, да и Степан расслабился. Этот КР был, по всем рекомендациям, ас в своем деле, — значит, он непременно сумеет предупредить о надвигающейся грозе!

А расслабившись, Степан вдруг вспомнил, что у него вообще-то есть любовница, которую он уже пару недель не видел, уклоняясь от встреч с ней под разными предлогами; и о том, что существует уйма разного рода посиделок и вечеринок, полезных для его бизнеса; и о том, что у него просто есть душевные мужские компашки, в которых он перестал появляться из-за всего этого спектакля с Кирой.

— Будем встречаться пореже, — сообщил он ей. — Раз в два-три дня. У меня есть масса других дел, которые я забросил, проводя все вечера с тобой.

— Я вас просила, что ли?!

— Какая муха тебя в челюсть двинула? Я ж ничего обидного не сказал! Ты меня, в натуре, не просила, мы с тобой вместе так решили, в общих интересах. Но я думаю, что видимость нашего романа не особо пострадает, если мы не каждый день будем встречаться!

— Мне, вообще-то, по фигу. Как хотите.

Степану показалось, что она обиделась, но он решительно не видел, на что ей обижаться. Игра

взаимовыгодная: она делает вид, что выполнила задание крестного, Дранковского, а он получил своего человечка во вражеском тылу. К тому ж он ей подарки делает — платяшки-то недешевые, а Кирка ему при этом даже не любовница. Радовалась бы счастьем!

А-а-а, вдруг догадался он: наверное, боится, что ей теперь меньше подарков перепадет! Бабы, они такие, за шмотку-цацку душу продадут! Люся, его любовница, крашенная блондинка с роскошными сиськами, тоже дулась на него за двухнедельное отсутствие, но Степан прекрасно знал, как решаются проблемы Люсиного настроения, — стоит только ее пригласить в модный бутик!

Ладно, решил он, в следующий раз надо будет Кирке купить чего-нить... Браслетик там или бусы к платяшкам.

Вечером Люся выползла из бутика с пакетами и плюхнулась на сиденье его машины, полностью убитая.

— Где будем ужинать? — спросила она его, чмокнув в щеку в виде благодарности за подарки.

— Где хочешь.

Степан знал, что свое прямое назначение — то есть быть его любовницей — Люся начинает осуществлять только после ужина в дорогом ресторане, где демонстрировала свои обновки. К этому Степан тоже относился философски, поскольку был фаталистом. Так устроены вещи, так устроены люди, в частности женщины. Без толку возмущаться, себе дороже.

Люся принялась размышлять вслух, в какой ресторан лучше поехать, как вдруг он ее перебил:

— Слушай, Люсь, а ты умеешь готовить рыбу под сливочно-лимонным соусом?

Она так изумилась, что даже не сразу ответила. Помолчав, она спросила с тихой угрозой:

— И кто это тебе готовит такую рыбу, а?

Рассказывать о Кире Степан не собирался. И не Люсиная ревность его останавливала: их с Кирой отношения были связаны с делами, о которых никому знать не положено.

— Никто. Но хочется попробовать.

— Я не умею готовить, — надула губы она, — и ты это прекрасно знаешь!

— А по книжке, Люсь? Ведь можно по книжке?

— У меня нет кулинарных книжек!

— Поедем, купим! Или в Интернете найдем рецепт!

— Степ, ты с ума сошел?

— Нет. Я хочу рыбу под сливочно-лимонным соусом! И ты мне сегодня приготовишь, по рецепту!

Весь вечер Люся демонстрировала, что оскорблена в лучших чувствах, вздыхала и возмущалась, но стряпала, поглядывая в рецепт, скачанный в Интернете. Степан тихонько усмехался, с некоторым садистским удовольствием слушая ее стенания.

Наконец они уселись за стол.

— Поехали! — поднялся он через минуту, отодвинув от себя тарелку.

— Куда?!

— В ресторан. Ты в который хотела?

— А рыба под сливочно-лимонным... Я весь вечер готовила, а ты даже не попробовал!

У Люси от обиды слезы показались на глазах.

Она их аккуратно смахнула пальчиками, боясь, что тушь потечет.

— Я попробовал, Люсечка. Именно поэтому мы едем в ресторан!

— Ты что... намекаешь, что это невкусно?!

— Ну что ты, я вовсе не намекаю, что это невкусно!.. Это просто несъедобно, дорогая. Иди одеваться.

...За ужином, привычно поймав взгляды, которые бросали на Люсю мужчины, — на ее сверкающие под светом люстр золотые волосы, на ее бело-снежную пышную грудь, которую так уверенно обрамляло низкое декольте, на ее нежные плечи, изящные руки, — он вдруг подумал с некоторым удивлением: и на хрен ему сдалась эта рыба под сливочно-лимонным?..

* * *

...Он стоял спиной к ней, в белых шортах, загорелый. Он играл на теннисном корте с мальчиком лет десяти, наверное, сыном, — и что-то было до странности знакомое в его фигуре... Нет, не в фигуре, а в манере двигаться, пожалуй...

Или все-таки в фигуре?

Ощущение дежавю было настолько сильным, что Александра решила посмотреть на его лицо, хотя бы сбоку. А что такого? Люди играют в теннис, а идущие мимо корта на них смотрят — вполне прилично!

Он тоже повернул голову. У обоих черные очки, у нее и у этого мужчины. Узнавания не произошло, но дежавю усилилось.

Меж тем он равнодушно отвернулся от нее, и

она не остановилась, пошла дальше, отгоняя желание вспомнить, кто это. Какая разница? На какой-то тусе, видимо, пересеклись, вот и все.

Александра сделала еще несколько шагов, и ветер донес до нее их речь: они говорили по-польски! Все встало на свои места. В Польше у нее ни одного знакомого не водилось, — значит, человек просто похож на кого-то. Похож, не более того.

Больше в тот день она его не видела — в отеле четыре разных ресторана и не меньше тысячи постояльцев. Зато на следующий день...

— Санька-а-а!!!

Голос прозвучал так громко, так требовательно, что оглянулись все. Александра тоже посмотрела в предполагаемом направлении. Никого не увидела, но почти сразу же угадала, куда смотреть: оголодавшая толпа отдыхающих, сформировавшаяся на подходе к шведскому столу, — время ужина, священное время! — зашевелилась, расступаясь. Еще немного, и в образованный ею коридор выбрался он — тот самый, дежавю. Встретив ее взгляд, он снова заорал: «Санька-а-а!» — и в ресторане воцарилась необыкновенная тишина. Умолк гул, звон тарелок — все усталились на него. А потом, проследив направление его взгляда, — на нее.

Он шел к ней, и Александра уже начала понимать, кто это... Не мозгом, а каким-то там двадцать шестым чувством.

Не дойдя до нее метров пять, он вдруг метнулся к одному столу, затем к другому, к третьему, выдергивая отовсюду крошечные букетики цветов, украшавшие ресторанные столики, собирая их в охапку...

Ну, точно! Точно так же он делал двадцать... даже чуть больше... лет назад, когда рвал на всех городских газонах цветы для нее!!!

Он приблизился. Ссыпал цветы ей на колени. Потом подхватил ее, сдернув со стула, прижал к себе так крепко, что у нее перехватило дыхание.

— Санька, родная, это ты, ты!!!

Ян. Это был он, Ян, — ее детская любовь! Первая, дивная, во всем невероятном блеске юного романтизма, чистоты и бескорыстия. Хотя о любви они никогда не говорили, свои отношения называли дружбой и верили, что они таковыми и являются. Они, Санька и Янька, разлучились, когда им едва стукнуло четырнадцать, — Саша перешла в другую школу. Расставаясь, клялись никогда друг друга не забывать и действительно встречались еще года полтора, но все реже... Захватывали новые впечатления, новые люди, новые дружбы, новые увлечения. Но сейчас, вот в это самое мгновение, посреди ресторана, полного чужих людей, посреди чужой земли, стало вдруг так ясно, что это как раз и была ее *первая любовь!*

Александра, неожиданно для самой себя, вдруг разрыдалась.

— Янька!!!

Она обхватила его за крепкую загорелую шею (а была такая худая в школе!..) и плакала, уткнувшись в плечо.

Зал еще некоторое время созерцал это «реалити-шоу», но вскоре вновь загомонил и загремел тарелками. Сериал не имел продолжения: эти двое просто застыли в обморочном объятии, не двигаясь, — смотреть больше было не на что.

...Александра слыхала, что все эти социальные сети, где находят бывших одноклассников, однокурсников, однополчан и просто соседей по двору, имеют не только поразительную популярность, но и весьма ощутимые последствия: люди не просто находились, но и, случалось, разводились — для того, чтобы воссоединиться со своей первой любовью. Она не понимала этого феномена и относилась к нему с некоторым недоумением: неужто люди столь неосмысленно складывали свою жизнь, что с такой легкостью ее разрушали в погоне за призраком прошлого, иллюзией «романтической любви»? А как же они тогда женились, рожали детей — без любви, что ли? Но по всему выходило, что существующий брак — тот, который разрушался во имя «первой любви», — был каким-то необдуманном и непрочувствованным решением. А тут вдруг всколыхнулся утраченный «романтизм» — и пошло-поехало! Развод; брошенный супруг (супруга); брошенные дети... Сплошной инфантилизм, эгоизм, безответственность — точка. Приговор Александры был окончательным и бесповоротным.

Но сейчас....

Чувство *родности* было настолько сильным, что у нее возникло ощущение, словно она вернулась домой. Из долгих странствий. Будто замкнулся некий круг, и все встало на свои места, и жизнь уравнилась.

О нет, у нее к Яну не возникло никаких чувств, похожих на любовь, — по крайней мере на любовь мужчины и женщины. Алеша незаменим, его место в ее душе неприкосновенно. И все же, и все же — Ян ощущался настолько родным, и так было радостно его обрести вновь, что ее сносило от счастья. От этого было немного не по себе, кружилась голова...

Оказалось, что Ян, полуполяк, полурусский, живет на две страны.

Оказалось, что его сына раздирают две бабушки, русская и полька, что не всегда легко для мальчика.

Оказалось, что сам он кардиохирург (ну да, ну да, он ведь с детства мечтал стать хирургом!), оперирует и в Москве, и в Варшаве.

Оказалось, что он был женат дважды, и в общей сложности у него четверо детей, и что он в целом доволен своей жизнью...

И что он не забыл ее, Саньку. Никогда не забывал!

...Они проговорили весь ужин и еще уйму времени после ужина; потом Ян уложил сына. «Я ему сказал, что ты моя первая любовь!» — заявил он, вернувшись к Саше на террасу кафе.

— А он что?

— Он спросил, почему мы не поженились, — улыбнулся Ян. — Лично он твердо намерен жениться на девочке, в которую сейчас влюблен! Пришлось мне ему объяснить, что если бы он родился от другой мамы, то, собственно, родился бы не он, а другой мальчик. Что примирило его с отцовским легкомыслием.

— Он понял твои объяснения?

— Конечно! Он все знает о генах, он у меня вундеркинд, — засмеялся Ян.

— Есть в кого, — засмеялась в ответ Саша.

Янька в школе отличался талантами во всех науках, отчего был яблоком раздора между учителями: каждый прочил ему особый успех в своем предмете. Он был равно хорош в литературе и языках, в математике и физике. Но если память ей не изменяла, особенно хорош он был в музыке. Он играл на

скрипке, и педагоги обещали ему великое будущее. У Александры до сих пор звучала в мозгу мелодия, которую он часто играл для нее, — она не помнила композитора, но мелодия была печальной, пронзительной... Из тех, что утаскивают на тонкой ноте душу невесть куда, не спросясь.

— Но... Янь, неужто твой сын не приревновал?.. Не обиделся за маму?

— Конечно, приревновал! — весело откликнулся Ян. — Но потом, позже. А первой его реакцией было сопоставление наших отношений с его собственным опытом! Поскольку он твердо намерен жениться на Марысе, то он с большим интересом отнесся к моему признанию!

...Они говорили, говорили, — сидя за столиком, потом гуляя по ночному пляжу, — и Александра даже ни разу не вспомнила о срочной статье.

* * *

Степан проморочился в магазине аж полчаса, выбирая браслет для Киры. Сначала хотел купить примерно такого же типа, как обычно дарил Люсе, а до нее другим женщинам: «богатый», с дорогими камнями, — и уже велел уложить его в футляр, чем страшно обрадовал продавца: покупателей в ювелирных стало ощутимо меньше в кризис.

Но вдруг затормозил. Неправильное было что-то в этом браслете. Не в браслете даже, а в Кире... Ей такой не пойдет! Или она браслету не пойдет?

Он задумался, вспоминая платье, в котором она была с ним последний раз в ресторане. Одежки Киры выбрала сама, Степан только платил, — и вот тут возник полный консенсус: Кира с платьишками

друг другу очень шли. Вот то, последнее, совершенно неизвестного Степану цвета, — то ли слов таких вовсе не существует, то ли его личный словарь беден? Вроде как темно-красное, но только не совсем красное, а как будто в него еще добавили розового... А может, и оранжевого, поди разберись! При этом оно было местами прозрачным, а в других местах имелись вырезы, спереди на груди, а сзади на спине, и смуглая кожа ее как-то хорошо смотрелась в этих вырезках... При всем при этом платьице было воздушным, ткань на нем волновалась и летала вокруг тела Киры... И все мужики в ресторане тоже волновались и точно бы залетали вокруг нее мухами, если бы не грозный вид Степана!

Интересно, вдруг озадачился он, как он выглядел рядом с этой мартышкой? А чего, она на мартышку похожа, жительницу джунглей, такую темную и ловкую... Или даже на этого, как его, Маугли! Ма-угли — угли — глаза у нее как угли, и челка поперек них висит, как у дикой, и вся она мускулистая и сильная, как этот самый пацан дикий, полужверь...

Так интересно, как эти все, в ресторане, смотрели на них? — вернулся Степан к исходной мысли. Эта Маугли, и он рядом, белокожий и... э-э-э... Жирным он, конечно, не был — это она загнула, свинюшка! Он просто плотный!.. Ну да, плотный, со светлыми волосами, чуть рыжеватыми... Совсем другой — они с Киркой очень разные...

— Так вы что брать будете? — вернул его к действительности голос продавца.

Он посмотрел на паренька. Костюмчик, галстучек — так и должен выглядеть натасканный персонал в приличном магазине. А раз натасканный, то может знать толк в таких делах.